

М.А. Гончарова*

Самарский государственный университет

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

M.A. Gontcharova

Staatliche Universität Samara

**REALISIERUNG DES KOMMUNIKATIV-PRAGMATISCHEN
POTENTIALS DER SPRACHE IN DER MODERNEN KURZPROSA**

Im folgenden Beitrag werden Beispiele untersucht, wo das kommunikativ-pragmatische Potential der sprachlichen Einheiten wie üblich realisiert wird, sowie die für moderne Prosa typischen Fälle der Erweiterung des kommunikativ- pragmatischen Potentials.

В повседневной речи коммуникативно-прагматический потенциал языковых единиц реализуется в соответствии с принципом сотрудничества Г.П. Грайса.

В художественной литературе (особенно современной), которая представляет собой диалог с читателем, максимы ведения разговора подвергаются переосмыслению. Прежде всего, это затрагивает максимы качества (требование сообщать только истинную информацию) и максимы образа действия (требование делать речь ясной, недвусмысленной и последовательной). Современные авторы часто интригуют читателя, экспериментируют с языком, расширяя тем самым прагматический потен-

---

* ©Гончарова М.А., 2010

циал некоторых языковых единиц. Проследим этот процесс на примере рассказа Ulrike Kolb «Onk».

После прочтения рассказа у читателя остается очень много неясностей. Главная из них – что, собственно, хотела сказать автор своим рассказом? Какова основная идея произведения?

Повествователь – женщина средних лет – рассказывает о друге своей семьи по фамилии (или имени, или это его прозвище?) Onk (Онк). Рассказа как такового здесь нет, есть только отрывочные воспоминания об отдельных событиях, которые плохо складываются в общую картину. В рассказе нет кульминации или какого-либо центрального события, вокруг которого бы организовывалось все повествовательное пространство. В сущности, основная мысль повествователя заключается лишь в том, что своего знакомого она, несмотря на давнее тесное знакомство, совсем не знает. Интересно, что за время действия рассказа ни повествователь, ни читатель об Онке так ничего и не узнают. Фигура Онка остается окутанной тайной. Автор интригует читателя, оставляя в повествовании массу белых пятен и до последнего момента держа его в напряженном ожидании разгадки, однако разгадка так и не приходит. Читателю приходится неоднократно перелистывать текст, пытаясь найти здесь ответы на возникшие вопросы, но ответов в тексте нет. В конечном итоге каждому читателю приходится придумать свою интерпретацию, что, видимо, и было целью автора – заставить каждого читателя сочинить свою собственную историю.

Ряд языковых средств реализует в рассказе свой хорошо известный читателю коммуникативно-прагматический потенциал. Так, для передачи отношения повествователя к ситуации часто (в среднем 1,5 раза на страницу текста) используется лексика с семантикой незнания, непонимания, неопределенности:

...aber ich verstand nicht oder wollte nicht verstehen... [4, s. 196]

...ich ahnte ja nicht... [4, s. 197]

...meine Eltern... wußten aber auch nicht viel über ihn zu erzählen [4, s. 197].

...bis heute frage ich mich... [4, s. 198].

Ich werde sie nie verstehen [4, s. 198].

...ich erinnerte mich an einen anonymen Anruf einmal in der Nacht bei uns zu Hause [4, s. 204].

...es dauerte lange, bis ich mir darunter etwas vorstellen konnte [4, s. 193].

Другая группа языковых средств, хорошо подходящая для этой цели, – лексико-грамматические единицы с семантикой предположения и альтернативные союзы:

Nachdem er abgefahren war, hörte ich lange nichts von ihm, vielleicht, weil..., oder weil... ich weiß es nicht [4, s. 197].

Таинственности Онку прибавляет тот факт, что он ничего о себе не рассказывает, лишь отшучивается. Поэтому здесь уместны слова Spaß, Scherzen:

...er verkündete im Spaß, er sei schon vergeben [4, s. 194].

...zumal er auf meine Fragen gerne mit Scherzen antwortete [4, s. 193].

Одним из моментов, живо интересующих повествователя, становятся отношения Онка с женщинами. Для демонстрации загадочности этих женщин автор использует неопределенный артикль:

...manchmal kam er zu unserer Sandburg in Begleitung einer Frau [4, s. 195].

Некоторые предложения в описании фигуры Онка могут быть интерпретированы как символы:

Immer waren die Rolläden heruntergelassen [4, s. 200].

В тексте рассказа много недосказанностей, намеков. Здесь автор использует лексику с определенной семантикой (*gewiss*), графические средства (курсив, многоточие) и комментарий повествователя:

...er erzählte mir... davon, dass er *gewissen Kandidaten*, falls sie ihm zufällig einmal wieder unter die Augen kommen sollten... aber jedesmal, wenn er an diese Stelle kam, verstummte er, bis er, auf mein vorsichtiges, in sein minutenlanges Schweigen hinein

gefragtes Was denn?... tief seufzte und ohne Zusammenhang von etwas ganz anderem weiterredete [4, s. 201].

Коммуникативно-прагматический потенциал названных языковых средств в рассказе не отличается от их коммуникативно-прагматического потенциала в повседневной речи. Более интересными с лингвистической точки зрения и более интригующими для читателя являются случаи расширения коммуникативно-прагматического потенциала языковых единиц, выполнения ими нетипичных функций. Так, для передачи недосказанности, помимо типичных языковых средств, автор использует схему, хорошо известную из детективов:

– в совершенно мирной ситуации неожиданно происходит какое-то яркое событие:

...während wir, mein Vater, die Kinder und ich, draußen die wie zum Weihnachtsabend bestellt herabstiebenden Schneeflocken begrüßten, indem wir die Hände hochstreckten und «Schneeflöckchen Weißröckchen» sangen... da war von drinnen plötzlich ein Knall zu vernehmen... [4, s. 198];

– далее следует динамичное описание последующих событий с помощью сложносочиненного предложения с бессоюзной связью, состоящего из коротких элементарных предложений (подлежащее + сказуемое), абсолютного аккузатива и обособленного определения, а также совершенно неинформативной прямой речи, свидетельствующей только об эмоциональном состоянии героини и еще больше развивающей интригу:

...wir eilten ins Haus zurück, Onk war verschwunden, meine Mutter stand in der Küche, die Füße in einer Pfütze aus Sekt und Scherben, hochrot das Gesicht, Dieser Kerl, dieser schreckliche Kerl, dieser gemeine schreckliche Kerl, schrie sie...

Отличие от детектива состоит в том, что интрига сохраняется не только на протяжении всего рассказа – неясность так и остается неясностью. В следующем предложении проявляется эффект обманутого ожидания, и в дальнейшем автор к этой ситуации не возвращается:

...aber es war nicht herauszubekommen, was passiert war.

В ситуацию обманутого ожидания развивается и следующий фрагмент рассказа: Онк интригует повествователя, приглашая встретиться со студенткой, которая арендует у него комнату:

Was für ein Glück, was für eine anmutige Erscheinung, eine wahre Rose, wenn du verstehst, was ich meine...und ich verstand sofort, denn früher hatte er uns mit Vorliebe dazu animiert, bei seinen Wortspielen mitzumachen und Anagramme zu erfinden, deren Vieldeutigkeit ich erst später begriff.

Oh ja, ich wollte sie sehen, diese Verkörperung des Eros, fuhr zu Onk und wartete mit ihm, wie ausgemacht, in einem Restaurant auf sie ... aber wir warteten den ganzen Abend vergeblich [4, s. 201, 202].

Интересен здесь, однако, не только эффект обманутого ожидания, но и языковая игра – прием, обычно используемый для создания комического эффекта. В данном случае U. Kolb применяет языковую игру для создания образа таинственного, неоднозначного Онка и тем самым расширяет ее коммуникативно-прагматический потенциал.

Текст построен таким образом, что на протяжении всего рассказа нагнетается напряжение, возрастает заинтересованность читателя. Этому служит в том числе использование типичных зачинов:

Irgendwann, als ich zwölf oder dreizehn war... [4, s. 195].

Als ich ins Internat kam... [4, s. 196].

Viele Jahre später... [4, s. 198].

Eines Tages rief er mich an [4, s. 201].

Прагматический потенциал зачинов обычно ограничивается введением читателя в курс дела, описанием начала нового этапа в жизни и т. п. Читатель ждет, что за зачином последует развитие истории и развязка. Своеобразие рассказа U. Kolb состоит в том, что в нем благодаря зачинам также возникает эффект обманутого ожидания: читатель ожидает, что ему раскроется тайна Онка, однако вместо этого он лишь узнает о нем новую таинственную деталь.

Еще одна возможность расширения коммуникативно-прагматического потенциала языковых единиц обнаруживается на уровне синтаксиса. При описании разговора повествователя с Онком автор активно использует глаголы, характеризующие действия повествователя (*Fragen stellen, vergessen, jm mit Fragen kommen*), однако форма придаточного предложения следствия фокусирует внимание на фигуре Онка, делая именно его причиной всех действий повествователя:

...wir ... immer dieselben Fragen ... stellten, die er so beantwortete, dass ich immer wieder vergaß, was er gesagt hatte um ihm immer wieder von neuem mit denselben Fragen kam [4, s. 196].

В данном случае придаточное следствия, основная функция которого – вскрыть причинно-следственные отношения, участвует в характеристике персонажа.

Таким образом, языковые средства в современной художественной литературе могут как реализовывать коммуникативно-прагматический потенциал, свойственный им в повседневной речи, так и расширять его. К первому случаю можно отнести использование в рассказе U. Kolb для создания образа таинственного персонажа лексических единиц с семантикой неопределенности, предположения, альтернативных союзов, неопределенного артикля, графических средств (курсив, многоточие). Коммуникативно-прагматический потенциал языковых единиц может расширяться в том случае, когда языковая единица выполняет функции, в повседневной речи им не свойственные. В рассказе U. Kolb мы встретили расширение коммуникативно-прагматического потенциала языковых единиц на уровне структуры текста (принцип построения детектива, типичные зачины), синтаксиса (использование придаточных следствия для характеристики персонажа) и фонетики (языковая игра).

Библиографический список

1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 222–223.
2. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (Интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1982. Т. 41. № 4. С. 327–337.
3. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. М.: Изд-во «ПРИОР», 1998. 224 с.
4. Kolb U. Onk // Beste deutsche Erzähler 2003. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003. S. 192–205: